

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ
В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

Аннотация. В статье на примере сопоставительного анализа фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-фитонимом в татарском и французском языках выявляются национально-культурные особенности образования и функционирования фразеологии в различных лингвокультурах, репертуар, семантические и стилистические особенности и частотность компонентов-фитонимов, использованных при образовании ФЕ, объясняются некоторые историко-культурные предпосылки, закодированные в смысловой структуре ФЕ и обусловившие их специфичность именно для одного из данных языков.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фитоним, татарский язык, французский язык, сопоставление.*

Актуальность исследуемой проблемы. Сколько-нибудь серьезные исследования ФЕ татарского языка на предмет содержания в них культурно значимой, исторически обусловленной информации и специфических маркеров на сегодняшний день находятся в начальной стадии и недостаточны для описания целостной фразеологической картины мира, поэтому работы, освещающие данную проблему, представляются весьма актуальными.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе синхронного сопоставительного анализа фразеологических единиц с компонентом-фитонимом типологически разных, генетически неродственных языков – татарского и французского – выявить их сходства и различия относительно содержания и выражения. Из поставленной цели вытекает ряд исследовательских задач:

– пользуясь единым исследовательским методом и единой лингвистической терминологией, выявить фитонимы во фразеологии французского языка и сопоставить их с фитонимами во фразеологии татарского языка;

© Габбазова Р. Ф., Тагирова Ф. И., 2016

Габбазова Резеда Фаиловна – соискатель отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия; e-mail: gabbazovarezeda@list.ru

Тагирова Фяридя Инсановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия; e-mail: feride2412@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2015

- сравнить фитонимы во фразеологии сопоставляемых языков по основным параметрам их использования с целью выявления универсального и дифференциального;
- выделить различные виды фитонимов во фразеологии татарского и французского языков и представить их описание.

Материал и методика исследований. Работа основывается на анализе иллюстративного материала из авторской картотеки ФЕ, собранной методом сплошной выборки из лексикографических источников на татарском и французском языках. В ходе исследования в качестве основных были использованы такие специфические методы, как анализ словарных дефиниций, семемный и контекстуальный анализ, а также общенаучные – сопоставление и описание.

Результаты исследований и их обсуждение. Сопоставительное исследование языковых явлений в области фразеологии привлекает к себе внимание лингвистов в связи с важностью выявления закодированных на фразеологическом уровне национально и культурно обусловленных специфических черт языков. С одной стороны, выявление сфер соприкосновения различных лингвокультур позволяет выделить общие характеристики истории, культуры и психологии различных языковых сообществ, нашедшие отражение в языковых единицах. С другой стороны, знание фразеологического состава языка позволяет глубже понять менталитет нации изучаемого языка, поскольку именно во фразеологии ярко проявляется своеобразие быта и культуры народа [7, с. 62].

Таким образом, ФЕ могут характеризоваться национальными особенностями, обладать различной экспрессивной окраской [11]. Изучение общих черт и различий фразеологизмов двух языков способствует лучшему пониманию особенностей национального менталитета, и, как пишет Ф. И. Тагирова, «для выявления специфичности лингвокультурных кодов самым продуктивным является межъязыковое сравнение <...>» [9, с. 148].

Так, национальное своеобразие может проявиться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, т. е. в национальной специфике образной основы [4].

И если, как подчеркивает В. Гумбольдт, «разные языки – это не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [1, с. 312], то изучение фразеологических пластов разных языков с выявлением все новых и новых нюансов реальности ведет к осознанию многогранного характера мировой культуры, открывает перед нами более яркую, красочную картину человеческого бытия, богатство духовного опыта разных народов, эмоциональных состояний человеческой души.

Одним из интересных направлений сопоставительного исследования ФЕ является изучение фразеологических единиц с компонентом-онимом.

Сопоставительный анализ фразеологического пласта в аспекте онимов можно проводить в широком плане, так как тематические группы слов, представленных ФЕ с онимами, разнообразны и охватывают все стороны жизни любого народа. В данной же статье мы решили акцентировать наше внимание только на ФЕ с компонентом-фитонимом.

Фразеологизмы с компонентами-фитонимами неоднократно вызвали интерес известных лингвистов: В. В. Виноградова, Г. Д. Григорьева, Ф. И. Фахрутдинова, Н. Ф. Зайченко, Е. Р. Малафеева и др. Глубоко изучена лексико-семантическая группа существительных, обозначающих растения, в лексикологии русского и, в большей мере, тюркских языков.

В нашей работе мы обратились к сопоставительному анализу генетически неродственных, типологически разных, активно не контактирующих языков – татарского и французского. Данный путь позволяет выделить универсальные и специфические языковые средства описания картины мира, более четко обозначить границы национальной картины мира каждого народа, выявить особенности так называемых европейского и восточного типов мышления, увидеть исторические отголоски более древних культур, например, степной тюркской культуры в татарском языке и культуры галлов во французском и т. д. Таким образом, мы шли по пути выявления сходства и различия в языковых картинах мира французского народа, исторически укоренившегося в центре европейского континента, и татарского народа, издавна проживающего в зоне Восточной Европы и исторически тяготеющего к Востоку.

Если даже образная форма в татарских и французских фразеологизмах одна и та же, она порождает разные по своим значениям единицы, так как сами понятия, стоящие за этими образами, получают разную культурно-историческую коннотацию [9], [10]. Нужно сказать, что и французы, и татары всегда были весьма наблюдательны к миру природы, к травам в частности. Различные свойства и особенности трав были зафиксированы в народных названиях, афоризмах и в других единицах лексико-фразеологического фонда обоих языков.

Например, крапива – весьма распространенное растение в Западной и Восточной Европе, которое привлекло внимание как татар, так и французов, и ее название послужило средством образного выражения самых различных значений в составе фразеологизмов. В татарском языке фитоним использован при образовании таких единиц, как:

кычытканга утырту (досл. посадить в крапиву) – обжечь языком;

кычыткан себеркесе белән чабу (досл. парить веником из крапивы) – наказывать легко и др.

Во французском [5]:

jeter qch aux orties (досл. бросать что-либо в крапиву) – отказаться от чего-либо, забросить что-либо;

jeter sa robe aux orties (досл. выбросить свое платье в крапиву) – бросить свою прежнюю профессию;

faut pas pousser mémé dans les orties (досл. не надо толкать бабушку в крапиву) – не надо преувеличивать и др.

Как явствует из примеров, одно и то же название использовано для передачи совершенно разных коннотативных значений.

Нужно отметить также различие репертуара фитонимов, использованных для образования фразеологических единиц; так, некоторые названия растений зафиксированы только в одном из рассматриваемых языков.

Например, для татарского языка [2], [3], [6] такие названия, как *тигәнәк* «репейник», *әрекмән* «лопух», *әрем* «полынь» и т. п., являются довольно частотными, чего нельзя сказать о французском:

тигәнәк белән сырганақ (досл. репейник и облепиха) – постоянно ссорятся, но в то же время не могут жить друг без друга;

тигәнәктән йон алу (досл. стричь шерсть с репейника) – ждать подмоги от жадного человека;

әрекмән боламыгы (досл. похлебка из лопуха) – мямля, разиня;

әрекмән колак (досл. лопухий) – о человеке с большими торчащими ушами;

арекман шулпасы эчмэгэн (досл. не ел бульон из лопуха) – не видел горя;
аремга таяну (досл. опереться на полынь) – пребывать в печали, горести;
арем тел (досл. полынный язык) – злой язык и др.

А во французском языке, наоборот, существуют фитонимы, которые вообще не представлены в качестве компонентов в татарской фразеологии, например, *chicorée* «цикорий», *endive* «эндивий», *d'artichaut* «артишок», *asperge* «спаржа» и т. д.:

faire sa chicorée (досл. делать свой цикорий) – напускать на себя важный, напыщенный вид;

avoir un coeur d'artichaut (досл. иметь артишоковое сердце) – быть легкомысленным, неверным в любви;

asperge montée (досл. вытянувшаяся спаржа) – переросток, дылда (имеет пейоративный оттенок);

comme une endive (досл. как эндивий) – мертвенно-бледный;

manger les pissenlits par les racine (досл. кушать корни одуванчиков) – давно лежать в могиле и т. п.

Отдельную группу, активно используемую в качестве компонентов, представляют дендронимы. Анализ материала явственно демонстрирует богатый потенциал названий деревьев в плане передачи метафорического значения. Так, зачастую судьба человека сравнивается с судьбой дерева.

Из названий деревьев во французской фразеологии представлены в небольшом количестве *l'osier* «ива», *sapin* «ель» и *l'orme* «вяз»:

avocat sous l'orme (досл. адвокат под вязом) – адвокат без практики, адвокат, напрасно ждущий клиентов;

attendre sous l'orme (досл. ждать под вязом) – напрасно ждать;

sentir le sapin (досл. чувствовать запах ели) – быть при смерти, глядеть в гроб;

franc comme l'osier (досл. откровенный, как ива) – бесхитростный, слишком простой и т. п.

Дуб во Франции традиционно символизирует долголетие. В революционную эпоху в этой стране дуб, рассматривавшийся, по галльской традиции, в качестве оси мира, символизировал свободу, надежду и преемственность. Среди современных достопримечательностей Франции можно назвать дуб, в дупле которого устроена небольшая комната шириной около трех с половиной метров. По самым скромным подсчетам, этому гигантскому дереву более двух тысяч лет. В составе фразеологизмов дендроним *chêne* «дуб» использован также в разных значениях:

on n'abat pas un chêne du premier fois (досл. не срубает дуб с первого раза) – трудное дело требует времени и труда;

fort comme un chêne (досл. крепкий, как дуб) – о крепком человеке;

payer en feuilles de chêne (досл. платить дубовыми листьями) – расплачиваться ничем не стоящими вещами;

le gland ne devient pas chêne en un jour (досл. желудь не в один день становится дубом) – трудное дело требует времени и труда и т. п.

В количественном отношении и по разнообразию дендронимов, представленных в рамках ФЕ, татарский язык, в отличие от французского, более богат. В татарском языке встречаются такие дендронимы, как *нарат* «сосна», *имэн* «дуб», *юкэ* «липа», *каен* «береза», *усак* «осина», *тал* «ива», *карама* «вяз», *тирэк* «тополь», *алмагач* «яблоня» и др.:

алмалары булмаса, алмагач гаепле түгел (досл. если нет яблок, яблоня не виновата);

(аның) терәве имән, терәсә каты тери (досл. его подпорка дубовая, если подопрет, то крепко) – о человеке, который веско аргументирует;

имән агачының иелгәне – сынганы, ир егетнең оялганы – үлгәне (досл. тот дуб, который прогнулся, сломался, тот парень, который стеснялся, погиб) – парню следует быть отважным и храбрым;

имән агачы бик каты агач та, аның да яфрагы саргая (досл. дуб – очень крепкое дерево, но и у него листья желтеют) – даже для крепких людей старость неизбежна;

имән чикләвеге алмагач төбенә тәгәрәми (досл. дубовые желуди не катятся под яблоню) – дети похожи на своих родителей;

юкә келәткә бикләү (досл. закрыть в липовом амбаре) – спрятать что-либо украденное в мешок или потайной ящик;

юл өстендә юкәлек (досл. липовая роща на дороге) – место, где все останавливаются ввиду отсутствия хозяина;

чыбык очы – тал башы (досл. конец ветки – верхушка ивы) – очень дальние родственники;

усак алма бирсә (досл. если осина даст яблоки) – говорится с иронией о пустых надеждах;

усак яфрагы (досл. осиновый лист) – непоседа, неугомонный;

усак яфрагы кебек дерелдәү (досл. дрожать как осиновый лист) – дрожать от страха или холода;

карама көленә утырту (досл. посадить в золу от вяза) – опозорить, выставить на посмешище;

карама тәртә (досл. оглобля из вяза) – о том, кто пытается показать себя выше другого человека;

карама агачы – каршы агач (досл. у вяза волокна поперек) – о противоречивом характере;

чатлы-ботлы – карама булыр, шарт-шорт янганы ул булыр (досл. с корявыми ветками – вяз, горит с треском – вяз) – о недовольном, противоречивом человеке;

чикләвек агачы этән чери (досл. орешник гниет изнутри) – гнилой характер снаружи не виден;

өч нарат арасында адашу (досл. заблудиться в трех соснах) – о том, кто не может решить простую проблему, выйти из самой простой ситуации;

ике тирәк бер төптә, ике төймә бер жәптә (досл. два тополя из одного корня, две пуговицы на одной нити) – неразлучные друзья;

зирек тәртә (досл. оглобля из ольхи) – о человеке, который быстро обижается, и др.

«Особо почитаемым деревом, как у многих народов, у татар была береза <...>. У татар береза обычно сажалась на кладбище, ее ветки отождествляются со слезами, многие татарские кладбища засажены березами. В более поздние времена березу наделяли волшебными и лечебными свойствами» [8, с. 44]. В использовании данного дендронима в качестве компонента ФЕ действительно нашли отражение эти представления, хотя метафорические значения этим не ограничиваются:

каенсарга (каен төбенә) китү (досл. спуститься к березовым корням) – умереть;

каен төбе (досл. под березой) – могила, кладбище;

ике инә бер жептә, ике каен (имән) бер төптә (досл. две иголки на одной нити, две березы из одного корня) – о неразлучных друзьях.

«Во Франции же березы почти не растут, и слово «береза», как и следовало ожидать, не образует ни одного фразеологизма» [5, с. 72].

Во французском языке весьма популярны фразеологизмы с фитонимом *marron* «каштановое дерево», чего нельзя сказать о татарском языке:

être marron (досл. быть каштаном) – остаться в дураках или попасться с поличным;

marron sculpté (досл. высеченный каштан) – смешная, уродливая физиономия;

faire qn marron (досл. делать кому-либо каштан) – надуть, обмануть кого-либо;

avoir ... ans aux châtaignes (досл. ... лет в каштанах) – осенью ему исполнится ... лет;

médecins marrons (досл. каштановые медики) – врачи, занимающиеся незаконной практикой;

avocats marrons (досл. каштановые адвокаты) – адвокаты, занимающиеся незаконной практикой, и т. п.

История владения французским государством многочисленными колониями в южных частях света нашла отражение и во фразеологизмах. Так, среди ФЕ с компонентом-фитонимом присутствуют крылатые выражения с лексемами *bambou* «бамбук» и *cocotier* «кокосовое дерево»:

attrapper un coup de bambou (досл. поймать бамбуковый удар) – получить солнечный удар или попасть под горячую руку;

s'accrocher au cocotier (досл. цепляться за кокосовое дерево) – всеми силами цепляться за свое рабочее место;

secouer le cocotier (досл. трясти кокосовое дерево) – избавиться от ненужных забот, от лишних ртов, от старого хлама, устроить встряску и др.

Подобного рода «экзотика» совершенно чужда для фразеологического фонда татарского народа, «географическая» история последних столетий которого была сосредоточена в Волго-Уральском регионе с характерной для него растительностью. Даже если в ФЕ и других образных средствах встречаются названия экзотических растений, они означают чаще не растение, а его плод.

Одной из самых увлекательных и занимательных сторон фразеологии как лингвистической дисциплины являются фразеологические обороты со стержневым флористическим компонентом, отображающим мир цветов.

Цветок можно рассматривать как лингвокультурный символ. Главной функцией лингвокультурного символа признается его способность воссоздавать в своей семантике характерные черты национального менталитета представителей определенного лингвокультурного пространства. Если рассматривать цветок как лингвокультурный символ, то можно выйти на вектор исследования особенностей культуры народа, его ценностей, традиций, исторических реалий.

Например, фразеологический фонд французского языка представляет набор противоречивых и противоположных значений, реализующихся при употреблении флоронима *rose* «роза»: красота, свежесть, настроение, характер, бесполезный труд и др.:

être frais comme une rose (досл. быть свежей, как роза);

être sur les roses (досл. быть на розах) – быть в трудном положении;

envoyer sur les roses (досл. послать в розы) – послать к черту;

humeur de rose (досл. настроение розы) – прекрасное настроение и др.

Для татарской лингвокультуры характерно использование персидского эквивалента *гөл* в значении «роза» и наличие только положительных коннотаций: нежность, свежесть, красота и т. п. Далее значение лексемы трансформируется, приобретая другие значения, например, «цветок».

Во французской фразеологии зафиксированы и названия других цветов:

jeter des marguerites devant les porcs (досл. бросать ромашки перед поросятами) – делать что-то бесполезное, делать для человека, который не способен это оценить;

faire sa pivoine (досл. делать свой пион) – покраснеть;

faire sa violette (досл. делать свою фиалку) – прикидываться скромницей и т. п.

Нужно отметить, что в отличие от французского языка, где представлены разные названия цветов, в татарской фразеологии мало конкретных названий, в основном вместо них использован только апеллятив *гөл*. Данный факт вполне объясним с точки зрения исторического прошлого татарского народа. В отличие от французской, национальная культура татарского народа, в том числе и язык, в основном развивалась в провинциальной среде. Естественно, возможностей и потенциала для развития садово-парковой культуры, сопряженной с выращиванием разных сортов цветов, у народа не было. Но все же поэтичная душа татарского народа отразила красоту луговых, степных цветов в устном народном творчестве и в языке в собирательной лексеме “*гөл*”:

ал да гөл (досл. все в цветах) – все хорошо, дела идут великолепно;

ал да гөл, чэчэгге генэ юк (досл. красота да цвет, цветов только нет) – за красивой внешностью скрывается низкая душонка;

алда гөл, артта кычыткан (игра слов, ср.: *ал да гөл* (досл. спереди цветок, сзади крапива)) – игривый ответ на вопрос: «Как дела?» – в значении: «Если смотреть поверхностно, то все хорошо»;

алда гөл, артта тигәнәк (игра слов, ср.: *ал да гөл* (досл. спереди цветок, а сзади репейник)) – в том же значении и др.

Таким образом, в обоих рассматриваемых языках наименования растений в переносном значении прежде всего встречаются в описании человека, характеризуя его внешность, фигуру, черты характера. Во французском языке наибольшая продуктивность метафорических преобразований отмечается в следующих направлениях: растение – сакральный символ, растение – образ родного края, растение – внешность человека, растение – эмоция человека. В татарском языке основные пути метафорического переноса следующие: растение – внешность человека, растение – эмоция человека, растение – образ родного края, растение – период времени.

У французов ФЕ с компонентом-флоронимом развиты в большей степени. Возможно, здесь сказалась высокоразвитая дворцовая садово-парковая культура, поддерживаемая национальной аристократией. Об этом свидетельствуют прекрасные сады Лувра и парки родовых поместий французского дворянства, что, несомненно, не могло не отразиться в языке.

Резюме. Подводя итог, нужно сказать, что в ФЕ с элементом-фитонимом как в татарском языке, так и во французском выделяется информация двух уровней: универсальная и национально-культурная. В первом случае происходит обозначение с помощью слова одного из фрагментов окружающего мира, набор смыслообразующих компонентов в его внутренней структуре является общим для лексических соответствий в разных языках (вид растительности, ее цвет, красота, запах и т. п.).

Однако наиболее интересным и важным является другой, «глубокий» уровень, исходящий из семасиологических свойств фразеологических оборотов. Именно на этом уровне метафорического переноса фразеологическая конструкция открывает смысловые глубинные пласты духовно-эмоционального мира народа, всесторонне выделяя специфические национально-культурные характеристики мировидения при репрезентации фрагмента окружающего мира. В целом же, как показывает опыт, ФЕ с компонентами-онимами демонстрируют более высокую по сравнению с другими ФЕ концентрацию национального и специфического в плане содержания, возможно, в силу их несомненной однозначности и конкретности. Поэтому они представляются нам важной и неотъемлемой частью фразеологической и, шире, языковой картины мира каждого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Исәнбәт Н. С. Татар теленен фразеологик сүзлеге. Ике томда : 1 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
3. Исәнбәт Н. С. Татар теленен фразеологик сүзлеге. Ике томда : 2 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
4. Муравьев В. Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. – Владимир : Изд-во Владимирского пединститута, 1980. – 105 с.
5. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. – М. : Наука, 1965. – 200 с.
6. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2005. – 1625 с.
7. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии : учеб. пособие. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.
8. Саберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. – 130 с.
9. Тагирова Ф. И. Отражение мифологического образа волка в различных лингвокультурах // Актуальные проблемы современной фольклористики : мат. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2009. – С. 148–149.
10. Тагирова Ф. И., Габбазова Р. Ф. Топонимы в составе фразеологических единиц татарского и французского языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2(86). – С. 121–127.
11. Якимова Н. И. Межъязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1(69), ч. 1. – С. 221–224.

**GENERAL AND NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES
OF PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING PHYTONYM COMPONENT
IN THE TATAR AND FRENCH LANGUAGES**

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

Abstract. The authors have identified the national and cultural peculiarities of phraseology formation and its functioning in different linguistic cultures on the example of comparative analysis of phraseological units containing phytonym component in the Tatar and French languages. The article also reveals the repertory, semantic and stylistic features and frequency of phytonym components used in the formation of phraseological units, explains historical and cultural background that were encoded in semantic structure of phraseological units and that determined their specificity for one of these languages in particular.

Keywords: *phraseological units, phytonym, Tatar language, French language, comparison.*

REFERENCES

1. *Gumbol'dt V.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – M. : Progress, 1984. – 397 s.
2. *Isənbət N. S.* Tatar teleneñ frazeologik syzlege. Ike tomda : 1 t. / N. S. Isənbət. – Kazan : Tat. kit. nəshr., 1989. – 495 b.
3. *Isənbət N. S.* Tatar teleneñ frazeologik syzlege. Ike tomda : 2 t. / N. S. Isənbət. – Kazan : Tat. kit. nəshr., 1990. – 365 b.
4. *Murav'ev V. L.* Problemy vozniknovenija jetnograficheskikh lakun. – Vladimir : Izd-vo Vladimirskego pedinstituta, 1980. – 105 s.
5. *Nazarjan A. G.* Obraznye sravnenija francuzskogo jazyka. – M. : Nauka, 1965. – 200 s.
6. *Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar' / pod red. V. G. Gaka.* – M. : Rus. jaz. ; Media, 2005. – 1625 s.
7. *Rajshštejn A. D.* Sopostavitel'nyj analiz nemeckoj i russkoj frazeologii : uceb. posobie. – M. : Vysshaja shkola, 1980. – 143 s.
8. *Saberova G. G.* Nazvanija rastenij v tatarskom literaturnom jazyke. – Kazan' : IJaLI im. G. Ibragimova AN RT, 1996. – 130 s.
9. *Tagirova F. I.* Otrazhenie mifologicheskogo obraza volka v razlichnyh lingvokul'turah // Aktual'nye problemy sovremennoj fol'kloristiki : mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Kazan', 2009. – S. 148–149.
10. *Tagirova F. I., Gabbazova R. F.* Toponimy v sostave frazeologicheskikh edinic tatarskogo i francuzskogo jazykov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – № 2(86). – S. 121–127.
11. *Jakimova N. I.* Mezhdunarodnyj sootvetstvija somaticheskikh frazeologizmov chuvashskogo, tatarskogo, bashkirskogo i tureckogo jazykov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2011. – № 1(69), ch. 1. – S. 221–224.

© Gabbazova R. F., Tagirova F. I., 2016

Gabbazova, Rezeda Failovna – Applicant, Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; e-mail: gabbazovarezeda@list.ru

Tagirova, Fiaridia Insanovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Research Scientist of the Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; e-mail: feride2412@mail.ru

The article was contributed on November 10, 2015